

© 2010 г. Т.В. СКУЛАЧЕВА, М.В. БУЯКОВА

СТИХ И ПРОЗА: СОЧИНЕНИЕ И ПОДЧИНЕНИЕ*

Как следует из определения стиха, главный, родовой признак стиха, отличающий его от прозы, – деление на строки. Тем не менее до сих пор не ясно, что такое стихотворная строка и зачем она нужна в стихотворном тексте. В статье перечисляются известные на настоящий момент механизмы построения стихотворной строки, действующие на всех уровнях организации речи, делаются предположения об их возможной функции в стихотворном тексте, а также дается подробное описание одной из устойчивых синтаксических закономерностей, обнаруженных в стихотворном тексте. Исследуется соотношение связей между частями сложного предложения с сочинительной и подчинительной семантикой в стихе и прозе: у каждого из исследованных русских и французских авторов (27 000 предложений) в стихе по сравнению с прозой возрастает количество сочинительных связей между предложениями и бессоюзных связей с сочинительной семантикой. Закономерность присутствует у всех проанализированных авторов в разных языках (русский, французский), разных периодах и литературных направлениях, разных системах стихосложения. Закономерность особенно отчетливо проявляется в позиции между строками. По-видимому, данная особенность поддерживает сопоставимость («парадигматичность») стихотворных строк, упоминаемую во всех современных определениях стиха.

Что такое стихотворная речь? По наиболее привычному сейчас в стиховедении определению – это речь, которая делится на строки. (Стих – это «речь, четко расчлененная на относительно короткие “ряды”, отрезки, соотносимые и соизмеримые между собой» [Гаспаров 2001: 6].)¹ Итак, если текст делится на строки – это стих, если нет – проза. (Такое определение пригодно почти для всех текстов, хотя сейчас мы не будем останавливаться на пограничных явлениях между стихом и прозой, которыми успешно занимались Ю.Б. Орлицкий [Орлицкий 1991; 2002], С.И. Кормилов [Кормилов 1995] и другие ученые, написавшие по этому поводу подробные исследования.)

Авторы данной статьи полностью согласны с таким определением. Оно простое, удобное и достаточно общепринятое. Тем не менее, если мы хотим определить сущность стиха в отличие от прозы, нам следовало бы также решить следующую важную проблему, неразрывно связанную с определением стиха: что такое стихотворная строка и зачем она нужна в стихотворном тексте.

То, что стихотворная строка играет очень существенную роль в структуре стихотворного текста и что она жизненно важна для самого его существования, подтверждается наличием целого комплекса лингвистических механизмов, поддерживающих ее

* Работа выполнена в рамках гранта РФФИ № 09-04-00359а (руководитель Т.В. Скулачева).

¹ Определение стиха, данное М.И. Шапиром [Шапир 2000: 83] («Стих – это система сквозных принудительных парадигматических членений, структурирующих дополнительное измерение текста»), остается за пределами данной статьи, так как заслуживает отдельного подробного обсуждения. На наш взгляд, однако, оно гораздо ближе по своей сути к определению Гаспарова, чем обычно считается: термины «сопоставимости» у Гаспарова и «парадигматичности» у Шапира – по сути две попытки определить одно и то же интуитивно ощущаемое, но до сих пор не поддающееся строгому лингвистическому описанию понятие, подразумевающее психологическую равноправность, равновесность строк (Гаспаров), напоминающую равноправность членов парадигмы в языке (Шапир).

единство и целостность. При этом возникает ощущение, что найденные нами механизмы, обеспечивающие существование стихотворной строки, представляют собой лишь верхушку айсберга, лишь незначительную часть сложной и сбалансированной системы, обеспечивающей существование стиха.

Какие же механизмы обнаружены нами на данный момент?

I. Во-первых, это несколько **синтаксических закономерностей**, поддерживающих единство и целостность стихотворных строк, а также их сопоставимость и соизмеримость. Они связаны:

1) с распределением более тесных и более слабых синтаксических связей внутри строки;

2) с распределением более тесных и более слабых связей между строками;

3) с расположением и количественным соотношением сочинительных и подчинительных связей в стихотворном тексте.

1. Распределение тесных и слабых синтаксических связей внутри стихотворной строки. Тесные и слабые синтаксические связи распределяются в стихе не так, как в прозе. Если в прозе каждая синтаксическая связь, как тесная, так и слабая, имеет свой собственный, особый тип распределения, связанный с ее семантикой и синтаксической функцией, то в стихе тесные связи, с одной стороны, и слабые связи, с другой стороны, распределяются как единые группы, причем типичное расположение тесных связей зеркально противоположно расположению слабых.

Тесных связей довольно много в начале строки, мало в середине и очень много ближе к концу строки. Слабых связей, напротив, очень много в середине строки, довольно мало в начале и ничтожно мало ближе к концу строки. На практике это означает, что строки типа «И пышный цвет, и сладкий плод...» встречаются чаще, чем «Забудет мир меня; но ты...». Таким образом, наиболее тесно связанными оказываются слова ближе к границам строки, что обеспечивает целостность строки и контраст со слабой связанностью между строками.

Эта закономерность повторяется на большом материале и наблюдается в силлаботоническом, тоническом, силлабическом и свободном стихе, написанном на разных языках (русском, английском, французском), в рамках разных литературных направлений и индивидуальных стилей (ср. [Гаспаров 1981; Tarlinskaja 1984; Скулачева 1989; 1990; 1992; 1996; 2006; 2007; Гаспаров, Скулачева 2004]).

2. Вторая синтаксическая закономерность – то, что **в позиции между строками чаще всего оказываются слабые связи**. Это было замечено еще Б.И. Ярхо в его «Методологии точного литературоведения» [Ярхо 1969; 2006]. Он определял тесноту связи по тому, насколько часто она встречается в положении между строками: чем чаще синтаксическая связь появляется между строками, тем она слабее. Наши подсчеты подтверждают, что между строками предпочитают более слабые связи [Скулачева 1990; Гаспаров, Скулачева 2004]:

Внемли, повсюду весть отрадная несется,
Повсюду гордый клик веселья раздается,
По стогнам шум, везде сияет торжество,
И ты среди толпы, России божество...

(А.С. Пушкин. На возвращение Государя
императора из Парижа в 1815 г.)

Люблю я критиков моих.
На шее одного из них,
Благоуханна и гола,
Сияет антиголова!..

(А. Вознесенский. Антимир)

Таким образом, подчеркивается целостность и отдельность строки как основной единицы стихотворного текста. Данная закономерность сильнее выражена в классическом стихе и несколько ослабляется в направлении к современному [Шапир 2003].

3. Третья синтаксическая особенность стиха – **преобладание в стихе по сравнению с прозой сочинительных связей между предложениями и бессоюзных связей с сочинительной семантикой**. В прозе же в большинстве случаев преобладают связи между предложениями с подчинительной семантикой. Такой подсчет был проведен нами на материале «Евгения Онегина» и «Пиковой дамы» А.С. Пушкина [Скулачева 1996]. Затем мы исследовали более 27 000 предложений в стихе и прозе русских авторов XVII–XX вв. и французских авторов XVIII–XX вв. и доказали, что в стихе между частями сложного предложения связей с сочинительной семантикой всегда больше, чем в прозе [Буякова 2007; 2008]. Преобладание связей с сочинительной семантикой в стихе подчеркивает сопоставимость и соизмеримость стихотворных строк.

Очевидно, что строки, соединенные сочинительной связью, в большей степени ощущаются как равноправные, сопоставимые, равновесные, чем строки, соединенные подчинительной связью. Ведь смысл сочинительной связи – перечень равноправных единиц текста, а суть подчинительной связи – задание иерархии между главными и второстепенными единицами текста. Позже мы подробно остановимся на этой закономерности построения стихотворного текста.

II. Помимо преобладания связей с сочинительной семантикой существует еще один, уже не синтаксический, а интонационный механизм обеспечения сопоставимости и соизмеримости стихотворных строк. Это увеличение частотности интонационных завершителей перечислительного типа среди интонационных завершителей, оформляющих концы стихотворных строк [Златоустова 1981; Ерешко 1996]. Ясно, что увеличение связей с сочинительной семантикой между строками способствует появлению именно такой интонации.

Однако перечислительная интонация или интонация, напоминающая перечислительную, может появляться не только на месте реально реализованной сочинительной синтаксической связи, но и там, где в прозе она была бы категорически невозможна: между глаголом и его дополнением («Не понять Золотого Глагола / Изнуренной железом мечте» (А. Блок)), между подлежащим и сказуемым («Где взвился огневой багрянцем / Засыпающий праздничный флаг» (А. Блок)) и т. д. [Ерешко 1996; Скулачева 1996]. Т. е. в стихе предпочитают не только не-логические, равноправные, равновесные сочинительные связи между предложениями и строками, но и интонационные завершители, подчеркивающие равноправность, сопоставимость, равновесность стихотворных строк, причем перечислительная интонация помогает уравнивать между собой не только действительно равновесные и равноправные семантически и синтаксически части перечислений или других конструкций с сочинительной связью между элементами, но и синтаксически и семантически совершенно неравноправные элементы, связанные подчинительной связью, между которыми в прозе требовалась бы самая логическая из всех интонаций – интонация незавершенности. Таким образом, стих всеми доступными лингвистическими средствами добивается психологической равноправности и равновесности стихотворных строк. Собственно, такая психологическая равноправность и равновесность с другими строками – главный признак стихотворной строки. Как нам кажется, именно эту особенность стихотворного текста имел в виду М.И. Шапир, когда говорил о «парадигматичности» стихотворного текста (ср. [Шапир 1996; 2000]).

III. Семантический механизм. Мы проанализировали распределение более и менее информативных (семантически значимых) слов в стихотворной строке в сопоставлении с прозаической синтагмой. Оказалось, что в прозе семантически значимые слова предпочитают конец синтагмы (что согласуется с данными фонетистов о том, что синтагматическое ударение чаще всего падает на конец синтагмы), в стихе же наиболее информативные слова распределены по строке более равномерно, без резкого преобладания в конце строки. (Это также согласуется с данными фонетистов о том, что стихотворная строка отличается более ровной и монотонной интонацией, выровненной частотой основного тона, без резких логических выделений.) Очевидно, что и семантическая организация стихотворного текста работает на то, чтобы подать стихотворные

строки как выровненные, соположенные, равновесные отрезки речи независимо от степени их логической и семантической важности.

Мы подошли к одному из главных вопросов, который необходимо решить, если мы хотим определить разницу между стихом и прозой: зачем нужно в стихе деление на строки, каковы его функции?

Можно предположить, что в мозг одновременно идут два противоположных по своему смыслу сигнала – с одной стороны, синтаксическая и семантическая связность текста и его синтаксическое и смысловое членение на синтагмы и предложения подсказывают, что сегменты текста, оформленные как стихотворные строки, представляют собой логически организованный текст, т.е. текст, где одни элементы главные, другие второстепенные, одни элементы управляют, другие подчиняются, т.е., как в любом логически организованном тексте, задана ступенчатая иерархия зависимых друг от друга компонентов. С другой стороны, вся стиховая структура, т.е. не-логическая стиховая сегментация текста на стихотворные строки, сочинительность, перечислительная интонация, равномерное распределение семантически значимых слов по всей строке подсказывают, что те же самые сегменты текста логически равновесны, равноправны, сопоставимы друг с другом, как это было бы в перечне, списке, отличающемся гораздо более слабой логической организацией, чем обычная прозаическая речь.

IV. Результатом становится то, что Тынянов называл **«деформацией смысла ритмом»** [Тынянов 1924]. Двойная сегментация стихотворного текста выполняет роль триггера, заставляющего как бы пробуксовывать наше логическое мышление. На более раннем этапе развития нейрофизиологии можно было бы сказать, что обработка текста передается другому полушарию мозга: вместо логического мышления включается образное. Однако более подробное исследование деятельности мозга в последние десятилетия показало, что обработка любого текста в мозгу представляет собой очень сложную картину и в ней так или иначе задействованы оба полушария мозга. Требуется более подробное исследование совместно с нейрофизиологами для выяснения, что именно меняется в деятельности мозга при обработке стихотворного текста. Пока же можно предположить, что вся структура стихотворного текста нацелена на то, чтобы частично отключить наше логическое мышление.

Перейдем к описанию конкретных закономерностей, которые складываются в описанную нами систему. Все закономерности невозможно описать в пределах одной статьи, поэтому мы остановимся на одной из перечисленных лингвистических особенностей – резком увеличении количества связей с сочинительной семантикой между предложениями в стихе по сравнению с прозой. Это одна из немногих известных нам на настоящий момент закономерностей, отличающих стих от прозы во всем проанализированном на настоящий момент материале. В пределах проанализированного нами достаточно обширного материала данная закономерность воспроизводилась всегда, независимо от языка (русский, французский), системы стихосложения (силлаботоника, силлабика, освобожденный и свободный стих), периода развития литературы (XVII–XX вв.), литературного направления и индивидуального стиля.

Данная закономерность заключается в том, что в прозе между частями сложного предложения преобладают связи с подчинительной семантикой, а в стихе – с сочинительной, причем эта разница носит устойчивый и капитальный характер и, как правило, составляет десятки процентов.

Под связями с сочинительной семантикой мы понимаем связи между частями сложносочиненного предложения и связи между частями бессоюзного предложения с сочинительной семантикой. Под связями с подчинительной семантикой мы понимаем связи между частями сложноподчиненного предложения и связи между частями бессоюзного предложения с подчинительной семантикой. Промежуточные случаи между сочинением и подчинением (*Пошел дождь, мы пошли домой*) исключались из под-

счета. Вопреки распространенному мнению, не основанному на реальных подсчетах, такие случаи малочисленны и составляют единичные проценты (даже в достаточно логично построенном романе в стихах «Евгений Онегин» их количество составляет не более 3,6%).

Исследовались русские и французские стихотворные и прозаические тексты XVII–XX вв. 21 автора: фольклорные стихотворные и прозаические тексты XVII в., стих и проза Симеона Полоцкого, М.В. Ломоносова, В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Ф.И. Тютчева, А.А. Фета, М. Кузмина, А.А. Блока, В. Хлебникова, А.А. Ахматовой, А.Т. Твардовского, И. Бродского². На французском языке изучались стихотворные и прозаические тексты Вольтера, В. Гюго, Ж. де Нерваля, Ш. Бодлера, С. Малларме, П. Верлена, П. Валери и П. Элюара³. Общий объем проанализированного материала составил 27 600 предложений. Нами преднамеренно были выбраны тексты на языках разных групп (славянском и романском) с хорошо развитой и притом разной стиховой традицией (силлаботоника с XVIII в. в русском стихе, силлабика во французском стихе), были использованы также русская силлабика XVII в., французский освобожденный и свободный стих, русский свободный стих, стих, принадлежащий к разным литературным направлениям и очень различным индивидуальным стилям.

В стихе учитывались только связи между предложениями, приходящиеся на концы стихотворных строк. Такой тип подсчета был принят после проверочного подсчета по двум разным методикам: в одном случае учитывались все связи между предложениями в стихе, во втором – только те, которые приходились на границы стихотворных строк. Оба подсчета подтвердили выявленную закономерность, но при учете связей только на границах строк данные получались более контрастными: по-видимому, выявленная нами закономерность нужна стиху именно для подчеркивания соположенности стихотворных строк.

Нами использовалась простая и базовая классификация сложных предложений, принятая «Русской грамматикой» [Русск. гр. 1982; Грам. русск. яз. 1954] и французской грамматикой Р. Вагнера и Ж. Пэншон «Grammaire du français classique et moderne» [Wagner, Pinchon 1982]. Предложения делились на сложносочиненные, сложноподчиненные и бессоюзные. Учитывая цель нашей работы, бессоюзные предложения дели-

² Симеона Полоцкого («Вертоград многоцветный»; «Вечеря душевная»); М.В. Ломоносова (оды; «Краткое руководство к красноречию»); В.А. Жуковского (лирика (Я4); художественная проза и критические статьи); А.С. Пушкина («Евгений Онегин»; «Капитанская дочка»); М.Ю. Лермонтова (поэмы; «Герой нашего времени»); Ф.И. Тютчева (лирика (Я4); письма); А.А. Фета (лирика (Я4); «Воспоминания. Ранние годы моей жизни»); М. Кузмина («Александрийские песни» (верлибр); «Приключения Эме Лебёфа», «Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро»); В. Хлебникова (поэмы в стихах (полиметрия); рассказы); А.А. Блока (стихотворения (Я4); лирическая проза); А.А. Ахматовой (лирика (Я5); воспоминания о современниках); А.Т. Твардовского (лирика (Я5), поэма «За далью-даль»; рассказы); И. Бродского (лирика (Я5); эссе). В качестве сравнительного фольклорного материала были взяты «Демократическая поэзия XVII в.» под редакцией В.П. Адриановой-Перетц (М.; Л., 1962) и «Сказки Белозерского края» под редакцией Б.М. и Ю.М. Соколовых (М., 1915).

³ Вольтера («La Henriade» (александрийский стих); «Candide, ou l'Optimisme» и «L'ingénu»); В. Гюго («La légende des siècles» (александрийский стих); «Notre-Dame de Paris»); Ж. де Нерваля («Les chimères» (романтический 12-сложник); «La bohème galante»); Ш. Бодлера («Les fleurs du mal», «Les épaves» (романтический 12-сложник); «Le poème du haschisch»); С. Малларме («Les vers», «Album de vers et de prose», «La poésie de circonstance» (весь имеющийся в наличии стихотворный материал – 12, 10, 8-сложники); эссе из сборника «Les Pages»); П. Верлена (лирика («освобожденный стих»); «Confessions»); П. Валери («Album des vers anciens», «Charmes», «La jeune Parque» (александрийский стих и 10-сложник); эссе из сборника «Regards sur le monde actuel»); П. Элюара (лирические сборники (свободный стих): «Le devoir et l'inquiétude», «Poème pour la paix», «Les animaux et leurs maîtres», «Les nécessités de la vie», «Répétitions», «Mourir de ne pas mourir», «La capitale de la douleur», «Défense de savoir», «A toute épreuve»; эссе того же автора из сборника «Poèmes retrouvés»).

лись на две крупные группы – бессоюзные предложения с сочинительной семантикой и бессоюзные предложения с подчинительной семантикой. Сложноподчиненные предложения делились на предложения с придаточными определительными, изъяснительными и обстоятельственными.

Результаты подсчетов количества связей с сочинительной и подчинительной семантикой между простыми предложениями внутри сложного по стиху и прозе русских и французских авторов приводятся в Таблицах 1–4. Достоверность выводов обеспечивается объемом проанализированного материала и использованием количественных методов. Устойчивость выявленных закономерностей проверялась промежуточными подсчетами после каждых ста предложений.

У всех русских и французских авторов видна одна общая закономерность. В стихе связей с сочинительной семантикой всегда больше, чем в прозе. Эта закономерность выполняется во всем исследованном на данный момент материале, независимо от языка, периода, системы стихосложения, литературного направления и индивидуального стиля.

Приведем упрощенные таблицы, где укажем только доли связей с сочинительной семантикой в стихе и их доли в прозе у каждого русского и французского автора (Таблицы 5, 6).

Как мы уже сказали, преобладание связей с сочинительной семантикой в стихе над их количеством в прозе – закономерность, выполняющаяся во всем исследованном материале.

Эта закономерность несколько более слабо выражена на раннем этапе развития русской поэзии. Так, уже в фольклорном и литературном силлабическом стихе XVII в., а так же в силлабо-тоническом стихе XVIII в. сочинительных связей больше, чем в прозе, хотя разница не столь велика, как в XIX в. Данная закономерность становится гораздо более отчетливой в XIX в. в пору расцвета русской поэзии. Так, у А.С. Пушкина сочинительных связей в стихе очень резко больше, чем в прозе. Выявленная закономерность достигает своего пика в середине XIX в. у Тютчева и Фета и затем ослабляется в XX в., давая отдельные возвраты к более высокому уровню у классически-ориентированных авторов (например, у Ахматовой). Несмотря на колебания в степени выраженности данной закономерности, сочинение в стихе преобладает над сочинением в прозе у всех исследованных авторов⁴.

Французский стих, в отличие от русского, к XVIII в. уже достиг своего расцвета. Поэтому у Вольтера разница между сочинением в стихе и прозе уже достаточно значительна. Однако описываемая закономерность достигает своего максимума так же, как и в русском стихе, в середине XIX в.: у Гюго и де Нерваля. Резкое падение со-

⁴ Мы использовали точный статистический критерий на основе сравнения статистики

$$\hat{z} = \frac{|\hat{p}_1 - \hat{p}_2| - \frac{1}{2} \left(\frac{1}{n_1} + \frac{1}{n_2} \right)}{\sqrt{\hat{p}(1 - \hat{p}) \left(\frac{1}{n_1} + \frac{1}{n_2} \right)}},$$

(где $\hat{p}_1$ – частота сочинительных связей в стихе, $\hat{p}_2$ – частота сочинительных связей в прозе, $\hat{p}$ – частота сочинительных связей независимо от принадлежности к стиху или прозе: $\hat{p} = \frac{n_1 \hat{p}_1 + n_2 \hat{p}_2}{n_1 + n_2}$,

n_1 – число случаев сочинительной связи в стихе, n_2 – число случаев сочинительной связи в прозе) с критическими значениями $z_{кр} = 2,58$ для 1% уровня значимости и $z_{кр} = 1,96$ для 5% уровня значимости для проверки того, является ли значимой разница между количеством сочинительных связей в стихе и сочинительных связей в прозе одного и того же автора. Результаты оказались значимыми для всех русских и французских авторов, включая Малларме (даже для Малларме $\hat{z} = 3,2$). Таким образом, вывод о том, что в стихе каждого из исследованных авторов сочинительных связей больше, чем в прозе того же автора, справедлив при уровне значимости 5% и даже 1%. Мы благодарим А.В. Прохорова за помощь в статистической обработке данных.

Таблица 1

Общее количество связей с сочинительной и подчинительной семантикой в прозе русских авторов

Количество связей, % (в скобках даны абсолютные числа)															
Проза	Тип связи	Сказки XVII в.	Симеон Полоцкий (1629–1680)	Ломоносов (1711–1765)	Жуковский (1783–1852)	Пушкин (1799–1837)	Лермонтов (1814–1841)	Тютчев (1803–1873)	Фет (1820–1892)	Кузмин (1875–1936)	Блок (1880–1921)	Хлебников (1885–1922)	Ахматова (1889–1966)	Твардовский (1910–1971)	Бродский (1940–1996)
	Связи с сочинительной семантикой, %	68,4 (288)	46 (566)	22,8 (278)	62 (439)	36,3 (186)	57 (880)	28,6 (366)	30,6 (309)	40,5 (510)	42,8 (496)	46,7 (268)	36,4 (256)	32,6 (240)	29 (308)
	Связи с подчинительной семантикой, %	31,6 (133)	54 (666)	77,2 (939)	38 (268)	63,7 (327)	43 (666)	71,4 (914)	69,4 (702)	59,5 (748)	57,2 (662)	53,3 (306)	63,6 (448)	67,4 (496)	71 (751)

Таблица 2

Общее количество связей с сочинительной и подчинительной семантикой в стихе исследованных русских авторов

Количество связей, % (в скобках даны абсолютные числа)															
Стих	Тип связи	Фольклор XVII в.	Симеон Полоцкий (1629–1680)	Ломоносов (1711–1765)	Жуковский (1783–1852)	Пушкин (1799–1837)	Лермонтов (1814–1841)	Тютчев (1803–1873)	Фет (1820–1892)	Кузмин (1875–1936)	Блок (1880–1921)	Хлебников (1885–1922)	Ахматова (1889–1966)	Твардовский (1910–1971)	Бродский (1940–1996)
	Связи с сочинительной семантикой, %	92,2 (712)	62,3 (208)	54,7 (461)	81,7 (367)	74,1 (545)	77,5 (648)	78,6 (526)	79,8 (445)	62,5 (105)	70,9 (314)	76,4 (334)	77,6 (316)	65,1 (394)	51,5 (139)
	Связи с подчинительной семантикой, %	7,8 (60)	37,7 (126)	45,3 (382)	18,3 (82)	25,9 (190)	22,5 (188)	21,4 (143)	20,2 (113)	37,5 (63)	29,1 (129)	23,6 (103)	22,4 (91)	34,9 (211)	48,5 (131)

**Общее количество связей с сочинительной и подчинительной семантикой
в стихе французских авторов**

Стих	Тип связи	Вольтер (1694–1778)	Гюго (1802–1885)	де Нерваль (1808–1855)	Бодлер (1821–1867)	Малларме (1842–1898)	Верлен (1844–1896)	Валери (1871–1945)	Элюар (1895–1952)
	Связи с сочинительной семантикой, %	71,7 (725)	73,7 (937)	73 (154)	57,8 (258)	39,2 (91)	57 (383)	54,5 (251)	76,5 (348)
	Связи с подчинительной семантикой, %	28,3 (286)	26,3 (335)	27 (57)	42,2 (188)	60,8 (141)	43 (288)	45,5 (210)	23,5 (107)

Таблица 4

**Общее количество связей с сочинительной и подчинительной семантикой
в прозе французских авторов**

Проза	Тип связи	Вольтер (1694–1778)	Гюго (1802–1885)	де Нерваль (1808–1855)	Бодлер (1821–1867)	Малларме (1842–1898)	Верлен (1844–1896)	Валери (1871–1945)	Элюар (1895–1952)
	Связи с сочинительной семантикой, %	38,7 (637)	26,3 (274)	32,5 (264)	34,5 (330)	28,6 (442)	27 (512)	26,8 (477)	34 (394)
	Связи с подчинительной семантикой, %	61,3 (1009)	73,7 (768)	67,5 (548)	65,5 (625)	71,4 (1102)	73 (1384)	73,2 (1301)	66 (769)

чинительности в стихе наблюдается только у С. Малларме. Дело в том, что Малларме достигает алогичности текста другими лингвистическими приемами. Он строит свою поэтику на контрастном сочетании формального подчинения и крайней алогичности текста, наполняющего эти формально-подчинительные конструкции. Поэтому, несмотря на обилие подчинительных союзов, логическая организация текста у него оказывается даже ниже, чем у большинства французских авторов. Тем не менее, даже у Малларме не исчезает описываемая нами закономерность: у него связей с сочинительной семантикой больше в стихе, а не в прозе (см. сноску 4). В конце XIX – начале XX в. контраст между стихом и прозой по уровню сочинительности слегка снижается. Дело в том, что в эпоху французского символизма начались первые опыты расшатывания традиционного силлабического стиха: такой стих получил название «освобожденного». Вероятно, и выявленная нами синтаксическая закономерность стала менее жесткой вместе с другими параметрами организации стихотворного текста. Возврат к прежнему высокому уровню сочинительности отмечается в верлибре Элюара.

Нужно обратить внимание, что Таблицы 1–6 демонстрируют две разные закономерности:

Таблица 5

Количество связей с сочинительной семантикой в стихе и прозе русских авторов

	Фольклор	Симеон Полоцкий (1629–1680)	Ломоносов (1711–1765)	Жуковский (1783–1852)	Пушкин (1799–1837)	Лермонтов (1814–1841)	Тютчев (1803–1873)	Фет (1820–1892)	Кузмин (1875–1936)	Блок (1880–1921)	Хлебников (1885–1922)	Ахматова (1889–1966)	Твардовский (1910–1971)	Бродский (1940–1996)
Связи с сочинительной семантикой в стихе (% от всех связей в стихе)	92,2 (712)	62,3 (208)	54,7 (461)	81,7 (367)	74,1 (545)	77,5 (648)	78,6 (526)	79,8 (445)	62,5 (105)	70,9 (314)	76,4 (334)	77,6 (316)	65,1 (394)	51,5 (139)
Связи с сочинительной семантикой в прозе (% от всех связей в прозе)	68,4 (288)	46 (566)	22,8 (278)	62 (439)	36,3 (186)	57 (880)	28,6 (366)	30,6 (309)	40,5 (510)	42,8 (496)	46,7 (268)	36,4 (256)	32,6 (240)	29 (308)

**Количество связей с сочинительной семантикой в стихе и прозе
французских авторов**

	Вольтер (1694–1778)	Гюго (1802–1885)	де Нерваль (1808–1855)	Бодлер (1821–1867)	Малларме (1842–1898)	Верлен (1844–1896)	Валери (1871–1945)	Элюар (1895–1952)
Связи с сочинительной семантикой в стихе (% от всех связей в стихе)	71,7 (725)	73,7 (937)	73 (154)	57,8 (258)	39,2 (91)	57 (383)	54,5 (251)	76,5 (348)
Связи с сочинительной семантикой в прозе (% от всех связей в прозе)	38,7 (637)	26,3 (274)	32,5 (264)	34,5 (330)	28,6 (442)	27 (512)	26,8 (477)	34 (394)

1. Из Таблиц 5–6 видно, что количество сочинительных связей в стихе больше их количества в прозе у **всех без исключения** исследованных на сегодняшний день авторов⁵.

2. Из Таблиц 1–4 видно, что соотношение сочинительных и подчинительных связей в тексте зависит от его принадлежности к стиху или прозе⁶, при этом в стихе, как правило, больше сочинительных связей, а в прозе – подчинительных.

Вернемся теперь к Таблицам 1–4 и обратим более пристальное внимание на индивидуальные особенности авторов и периодов.

Романтически ориентированная проза (Жуковский, Лермонтов, Блок) склонна к большей поэтичности и напевности, что достигается, среди прочих приемов, и обилием сочинительных конструкций, напоминающим поэтический текст. Так, у Жуковского сочинительных связей в прозе – 62%, у Лермонтова – 57%, у Блока – 42,8%. Тем не менее, у всех этих авторов сочинения больше именно в стихе, и контраст между стихом и прозой по количеству связей с сочинительной семантикой сохраняется и у них. У Жуковского более высокий, чем у других авторов, процент связей с сочинительной семантикой и в стихе, и в прозе объясняется также свойственной романтикам ориентацией на фольклор: как мы видим из Таблиц 1 и 2, фольклор XVII в. отличается высочайшей долей сочинительности (выше 90% в стихе).

Остановимся отдельно на данных по бессоюзным предложениям, которые традиционно считались особенностью стиха [Ширяев 1982; 1985; 1986].

Действительно, бессоюзных конструкций на порядок больше в стихе, чем в прозе. Бессоюзные сложные предложения очень широко представлены в русской поэзии разных эпох и направлений, являясь регулярной особенностью стихотворного синтаксиса.

⁵ См. сноску 4.

⁶ Гипотеза о связи соотношения сочинения и подчинения в тексте с принадлежностью текста к стиху или прозе проверялась с помощью критерия χ^2 . У всех исследованных русских и французских авторов вычисленные значения статистики Пирсона превзошли критические значения для всех стандартных уровней значимости (0,05 и 0,01), на основании чего гипотеза о независимости указанных параметров от принадлежности к стиху или прозе была отклонена. Стоит отметить, что даже для стиха и прозы М. Кузмина значимость статистики Пирсона соответствует уровню значимости 0,0005, а для стиха Малларме – уровню значимости 0,001. Таким образом, даже при максимально строгом подходе соотношение сочинения и подчинения зависит от принадлежности текста к стиху или прозе у **всех без исключения** исследованных на сегодняшний день авторов.

По мнению Е.Н. Ширяева, в стихотворном тексте, который по ряду признаков сближается с разговорной речью, преобладают бессоюзные сложные предложения с недифференцированным значением [Ширяев 1982; 1985; 1986; Ковтунова 1986].

В отличие от Е.Н. Ширяева, мы доказали, что бессоюзные конструкции в стихе, как правило, имеют именно сочинительную семантику. Очевидно, что высокий процент бессоюзных предложений напрямую увеличивает сочинительность стихотворного текста, а следовательно, сопоставимость и соизмеримость стихотворных строк. Эта тенденция прослеживается как у всех русских, так и у всех французских авторов. Тем не менее, методика Ширяева, в том числе очень удобная подробная классификация типов смысловых отношений между частями бессоюзного предложения, дополненная количественными методами, может в дальнейшем оказаться очень полезной при характеристике индивидуальных предпочтений каждого из исследуемых авторов.

Мы также не считаем правильным преувеличивать сходство синтаксиса поэзии с синтаксисом разговорной речи. Как совершенно верно утверждали Е.А. Земская, М.В. Китайгородская и Е.Н. Ширяев в книге «Разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис», «одни и те же по форме единицы и конструкции могут нести разную функциональную нагрузку в разговорной речи и языке художественной литературы» [Земская и др. 1981: 156]. Необходимо в дальнейшем исследовать соотношение связей между предложениями с сочинительной и подчинительной семантикой в разговорной речи и сопоставить их с данными по стиху. Мы предполагаем, что разговорная речь может показать более высокий процент бессоюзных предложений с подчинительной семантикой.

Подсчеты по бессоюзным предложениям приведены в Таблицах 7, 8, 9.

Кроме того, когда мы делали подсчеты по двум языкам, то обнаружили ряд закономерностей, касающихся количественного соотношения разных типов придаточных в русских и французских сложноподчиненных предложениях. Мы выделяли три типа придаточных предложений: изъяснительные, определительные и обстоятельственные (ср. [Русск. гр. 1982]). Данные представлены в Таблицах 13–16.

Данные по французским авторам приведены в Таблицах 15, 16.

Основные особенности соотношения придаточных разных типов следующие.

1) У всех авторов в русском и французском языке от стиха к прозе увеличивается количество придаточных изъяснительных:

Ямщик изъяснил мне, что облако предвещало буран.

Или:

И сразу не разберешь, что поет, о чём поет.

(А.С. Пушкин. Капитанская дочка)

Очевидно, что чаще всего придаточные изъяснительные передают косвенную речь. А по нашим предварительным подсчетам, косвенная речь более характерна для прозы, чем для стиха.

2) У всех русских поэтов в стихе стабильно преобладают придаточные обстоятельственные:

Не мог он ямба от хорея,
Как мы ни бились, отличить.

(А.С. Пушкин. Евгений Онегин)

В русской прозе же преобладание того или иного типа придаточных зависит от конкретного автора.

У большинства же французских авторов и в стихе, и в прозе устойчиво преобладают придаточные определительные:

Je rêve de toutes les belles
Qui se promènent dans la nuit.

(P. Eluard. Poème pour la paix)

Количество бессоюзных связей от всех связей между предложениями в стихе и прозе русских авторов
(за 100% принимается общее количество связей с сочинительной и подчинительной семантикой)

Процент бессоюзия от общего количества связей (в скобках указано количество связей в абсолютных числах)														
Тип текста	Фольклор XVII в.	Симеон Полоцкий (1629–1680)	Ломоносов (1711–1765)	Жуковский (1783–1852)	Пушкин (1799–1837)	Лермонтов (1814–1841)	Тютчев (1803–1873)	Фет (1820–1892)	Кузмин (1875–1936)	Блок (1880–1921)	Хлебников (1885–1922)	Ахматова (1889–1966)	Твардовский (1910–1971)	Бродский (1940–1996)
Стих	68 (524)	50 (167)	44 (371)	59,2 (266)	54,8 (403)	48,8 (408)	47,2 (316)	47 (262)	36,9 (62)	39,3 (174)	47,4 (207)	36,1 (147)	43 (260)	28,5 (77)
Проза	35,2 (148)	30 (371)	14,5 (177)	56 (396)	25 (128)	43 (663)	13,5 (174)	8,3 (84)	20,5 (258)	33 (383)	31 (178)	17,3 (122)	21,3 (157)	18,7 (198)

Таблица 8

Соотношение бессоюзных связей с сочинительной и подчинительной семантикой в стихе русских авторов

Количество связей, % (в скобках указаны абсолютные числа)															
Стих	Тип связи	Фольклор XVII вв. (эпический стих)	Симеон Полоцкий (1629–1680)	Ломоносов (1711–1765)	Жуковский (1783–1852)	Пушкин (1799–1837)	Лермонтов (1814–1841)	Тютчев (1803–1873)	Фет (1820–1892)	Кузмин (1875–1936)	Блок (1880–1921)	Хлебников (1885–1922)	Ахматова (1889–1966)	Твардовский (1910–1971)	Бродский (1940–1996)
	Бессоюзные связи с сочинительной семантикой, %	97,7 (512)	98,8 (165)	81,9 (304)	97,7 (260)	87,8 (354)	95,8 (391)	96,8 (306)	97 (254)	92 (57)	77 (134)	97,6 (202)	99,3 (146)	94,6 (246)	85,7 (66)
	Бессоюзные связи с подчинительной семантикой, %	2,3 (12)	1,2 (2)	18,1 (67)	2,3 (6)	12,2 (49)	4,2 (17)	3,2 (10)	3 (8)	8 (5)	23 (40)	2,4 (5)	0,7 (1)	5,4 (14)	14,3 (11)

Таблица 9

Соотношение бессоюзных связей с сочинительной и подчинительной семантикой в прозе русских авторов

Количество связей, % (в скобках указаны абсолютные числа)															
Проза	Тип связи	Сказки Белозерского края	Симеон Полоцкий (1629–1680)	Ломоносов (1711–1765)	Жуковский (1783–1852)	Пушкин (1799–1837)	Лермонтов (1814–1841)	Тютчев (1803–1873)	Фет (1820–1892)	Кузмин (1875–1936)	Блок (1880–1921)	Хлебников (1885–1922)	Ахматова (1889–1966)	Твардовский (1910–1971)	Бродский (1940–1996)
	Бессоюзные связи с сочини- тельной семан- тикой, %	78,4 (116)	87,6 (325)	97,2 (171)	89,4 (354)	68,8 (88)	85,7 (568)	72,3 (126)	54,8 (46)	91,5 (236)	72,6 (278)	82 (146)	82,8 (101)	77 (121)	70,2 (139)
	Бессоюзные свя- зи с подчини- тельной семан- тикой, %	21,6 (32)	12,4 (46)	2,8 (6)	10,6 (42)	31,2 (40)	14,3 (95)	27,7 (48)	45,2 (38)	8,5 (22)	27,4 (105)	18 (32)	17,2 (21)	23 (36)	29,8 (59)

Таблица 10

**Количество бессоюзных связей от всех связей между предложениями
в стихе и прозе французских авторов**
(за 100% принимается общее количество связей с сочинительной
и подчинительной семантикой)

Процент бессоюзия от общего количества связей (в скобках указаны абсолютные числа)								
Тип текста	Вольтер (1694–1778)	Гюго (1802–1885)	де Нерваль (1808–1855)	Бодлер (1821–1867)	Малларме (1842–1898)	Верлен (1844–1896)	Валери (1871–1945)	Элюар (1895–1952)
Стих	64 (648)	64 (815)	48,8 (103)	36,8 (164)	26 (60)	32,8 (220)	36,2 (167)	59 (269)
Проза	25,7 (423)	13,2 (138)	19 (155)	16,2 (155)	18,5 (285)	13 (247)	15 (267)	22 (257)

Таблица 11

**Соотношение бессоюзных связей с сочинительной и подчинительной семантикой
в стихе французских авторов**

Количество связей, % (в скобках указаны абсолютные числа)									
Стих	Тип связи	Вольтер (1694–1778)	Гюго (1802–1885)	де Нерваль (1808–1855)	Бодлер (1821–1867)	Малларме (1842–1898)	Верлен (1844–1896)	Валери (1871–1945)	Элюар (1895–1952)
	Бессоюзные связи с сочинительной семантикой, (%)	95,2 (617)	98,2 (800)	100 (103)	100 (164)	98,3 (59)	98,2 (216)	100 (167)	99,3 (267)
	Бессоюзные связи с подчинительной семантикой, (%)	4,8 (31)	1,8 (15)	0 (0)	0 (0)	1,7 (1)	1,8 (4)	0 (0)	0,7 (2)

Таблица 12

**Соотношение бессоюзных связей с сочинительной и подчинительной семантикой
в прозе французских авторов**

Количество связей, % (в скобках указаны абсолютные числа)									
Проза	Тип связи	Вольтер (1694–1778)	Гюго (1802–1885)	де Нерваль (1808–1855)	Бодлер (1821–1867)	Малларме (1842–1898)	Верлен (1844–1896)	Валери (1871–1945)	Элюар (1895–1952)
	Бессоюзные связи с сочинительной семантикой, (%)	90,3 (382)	96,4 (133)	96,8 (150)	98 (152)	98,2 (280)	84,2 (208)	93,6 (250)	91,4 (235)
	Бессоюзные связи с подчинительной семантикой, (%)	9,7 (41)	3,6 (5)	3,2 (5)	2 (3)	1,8 (5)	15,8 (39)	6,4 (17)	8,6 (22)

Соотношение типов придаточных у русских авторов в стихе

Количество связей, % (в скобках указаны абсолютные числа)															
Стих	Тип прида- точных	Фольклор XVII в.	Симеон Полоцкий (1629–1680)	Ломоносов (1711–1765)	Жуковский (1783–1852)	Пушкин (1799–1837)	Лермонтов (1814–1841)	Тютчев (1803–1873)	Фет (1820–1892)	Кузмин (1875–1936)	Блок (1880–1921)	Хлебников (1885–1922)	Ахматова (1889–1966)	Твардовский (1910–1971)	Бродский (1940–1996)
	Определитель- ные, %	10 (6)	19 (24)	38,7 (148)	31,7 (26)	8,6 (16)	19,1 (36)	12 (17)	20,4 (23)	19 (12)	14 (18)	14,6 (15)	27,5 (25)	24,6 (52)	19,1 (25)
	Изъяснитель- ные, %	43,3 (26)	12 (15)	16 (61)	19,5 (16)	22,2 (41)	28,2 (53)	30 (43)	26,6 (30)	19 (12)	24 (31)	22,3 (23)	7,7 (7)	30,8 (65)	20,6 (27)
	Обстоятельств- венные, %	46,7 (28)	69 (87)	45,3 (173)	48,8 (40)	69,2 (128)	52,7 (99)	58 (83)	53 (60)	62 (39)	62 (80)	63,1 (65)	64,8 (59)	44,6 (94)	60,3 (79)

Таблица 14

Соотношение разных типов придаточных в прозе русских авторов

Количество связей, % (в скобках указаны абсолютные числа)															
Проза	Тип прида- точных	Сказки Белозерского края	Симеон Полоцкий (1629–1680)	Ломоносов (1711–1765)	Жуковский (1783–1852)	Пушкин (1799–1837)	Лермонтов (1814–1841)	Тютчев (1803–1873)	Фет (1820–1892)	Кузмин (1875–1936)	Блок (1880–1921)	Хлебников (1885–1922)	Ахматова (1889–1966)	Твардовский (1910–1971)	Бродский (1940–1996)
	Определитель- ные, %	13,6 (18)	15 (100)	34,3 (322)	44,8 (120)	31,5 (103)	22,3 (148)	23,3 (213)	28,8 (202)	25,8 (193)	26,1 (173)	31,4 (96)	30,1 (135)	31,4 (156)	23 (172)
	Изъяснитель- ные, %	33,8 (45)	6,3 (42)	21 (197)	23,2 (62)	37,9 (124)	34 (227)	48 (439)	34,9 (245)	38 (284)	29,3 (194)	34,6 (106)	42,4 (190)	35,3 (175)	35 (264)
	Обстоятельств- венные, %	52,6 (70)	78,7 (527)	44,7 (420)	32 (86)	30,6 (100)	43,7 (291)	28,7 (262)	36,3 (255)	36,2 (271)	44,6 (295)	34 (104)	27,5 (123)	33,3 (165)	42 (315)

Соотношение придаточных предложений в стихе французских авторов

Количество связей, % (в скобках указаны абсолютные числа)									
Стих	Тип придаточных	Вольтер (1694–1778)	Гюго (1802–1885)	де Нерваль (1808–1855)	Бодлер (1821–1867)	Малларме (1842–1898)	Верлен (1844–1896)	Валери (1871–1945)	Элюар (1895–1952)
	Определительные, %	50 (143)	33,4 (112)	35 (20)	65,4 (123)	41,8 (59)	54 (156)	63,3 (133)	50 (53)
	Изъяснительные, %	10 (29)	16,1 (54)	10,7 (6)	3,7 (7)	10 (14)	7 (19)	2,9 (6)	6 (7)
	Обстоятельственные, %	40 (114)	50,5 (169)	54,3 (31)	30,9 (58)	48,2 (68)	39 (113)	33,8 (71)	44 (47)

Таблица 16

Соотношение придаточных предложений в прозе французских авторов

Количество связей, % (в скобках указаны абсолютные числа)									
Проза	Тип придаточных	Вольтер (1694–1778)	Гюго (1802–1885)	де Нерваль (1808–1855)	Бодлер (1821–1867)	Малларме (1842–1898)	Верлен (1844–1896)	Валери (1871–1945)	Элюар (1895–1952)
	Определительные, %	39 (393)	56,9 (452)	60,4 (331)	51,7 (323)	52,4 (577)	55 (762)	50 (646)	52,1 (401)
	Изъяснительные, %	33 (332)	19,8 (158)	20,3 (111)	28,6 (179)	15,4 (170)	13 (179)	27,2 (354)	23,9 (183)
	Обстоятельственные, %	28 (284)	23,3 (185)	19,3 (106)	19,7 (123)	32,2 (355)	32 (443)	22,8 (301)	24 (185)

Пока не ясно, чем вызвана эта – достаточно устойчивая – закономерность. Одно из возможных объяснений – что в русском языке слово *который* – трехсложное, а его формы *которая*, *которого* и т.д. и вовсе четырехсложные, и поэтому плохо укладываются в стихотворную речь, предпочитающую более короткие слова. Построить определительное придаточное, избегая союза *который*, в русском языке можно (например, используя *что* в значении *который*), но только в именительном и винительном падежах. Кроме того, французской конструкции с *qui* в русском языке нередко соответствует не финитное предложение, а причастие или причастный оборот. Хотя в русском стихе причастия встречаются гораздо реже, чем в прозе, тем не менее (приносим за эти подсчеты благодарность Д.В. Сичинаве), по данным Национального корпуса русского языка, в миллионном подкорпусе поэзии 1800–1850 гг. причастия все же встречаются в 17 раз чаще, чем лексема *который*, в том числе причастия действительного залога – в 4 раза (реально цифра может быть не вполне точна из-за различного разграничения причастия и прилагательного, омонимии и т. п., но на порядок отношения это не влияет). Разумеется, нельзя исключать и влияние на это соотношение языковой картины мира, стоящей за каждым из исследованных языков.

Во французском же языке конструкции с *qui, que* очень продуктивны и гораздо употребительнее причастий.

Итак, из нашей работы можно сделать следующий основной вывод. У всех исследованных авторов сочинительных связей в стихе больше, чем в прозе.

Тот факт, что данная закономерность встречается не только в русской силлаботонике разных периодов и литературных направлений, но и во французском языке, т.е. в другом языке и другой системе стихосложения, позволяет нам предположить, что мы имеем дело с некоторой общей закономерностью, отличающей стих от прозы.

Выявленная закономерность усиливает один из основных признаков стиха, а именно: сопоставимость, соизмеримость, психологическую равноправность строк в стихотворном тексте. Важность описанного нами синтаксического механизма для существования стихотворной формы подтверждается тем, что это одно из немногих известных сегодня лингвистических отличий стиха от прозы, присутствующее во всем исследованном на данный момент материале. По-видимому, это один из лингвистических механизмов, стоящих за базовым для стиховедения понятием сопоставимости («парадигматичности») стихотворных строк.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Буякова 2007 – М.В. Буякова. Сочинительные и подчинительные связи в стихе и в прозе в русском и французском языке // Лингвистика и поэтика в начале третьего тысячелетия. М., 2007.
- Буякова 2008 – М.В. Буякова. Сочинение и подчинение в стихе и прозе в русском и французском языке // Русский язык в научном освещении. 2008. № 16 (2).
- Гаспаров 1981 – М.Л. Гаспаров. Ритм и синтаксис: происхождение лесенки Маяковского // Проблемы структурной лингвистики 1979. М., 1981.
- Гаспаров 2001 – М.Л. Гаспаров. Русский стих начала XX в. в комментариях. М., 2001.
- Гаспаров, Скулачева 2004 – М.Л. Гаспаров, Т.В. Скулачева. Статьи о лингвистике стиха. М., 2004.
- Ерешко 1996 – А.Е. Ерешко. Интонационное оформление строки стихотворного текста // Славянский стих: стиховедение, лингвистика и поэтика. М., 1996.
- Земская и др. 1981 – Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Е.Н. Ширяев. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.
- Златоустова 1981 – Л.В. Златоустова. Фонетические единицы русской речи. М., 1981.
- Ковтунова 1986 – И.И. Ковтунова. Поэтический синтаксис. М., 1986.
- Кормилов 1995 – С.И. Кормилов. Маргинальные системы русского стихосложения. М., 1995.
- Николаева 1969 – Т.М. Николаева. Интонация сложного предложения в славянских языках. Опыт экспериментального исследования. М., 1969.
- Орлицкий 1991 – Ю.Б. Орлицкий. Стих и проза в русской литературе: Очерки истории и теории. Воронеж, 1991.
- Орлицкий 2002 – Ю.Б. Орлицкий. Стих и проза в русской литературе. М., 2002.
- Русск. гр. 1982 – Русская грамматика. Т. II. Синтаксис. М., 1982.
- Грам. русск. яз. 1954 – Грамматика русского языка. Т II: Синтаксис. Часть вторая. М., 1954.
- Скулачева 1989 – Т.В. Скулачева. К вопросу о взаимодействии ритма и синтаксиса в стихотворной строке: английский и русский четырехстопный ямб // ИАН СЛЯ. Т. 48. 1989. № 2.
- Скулачева 1990 – Т.В. Скулачева. Взаимодействие ритмической организации и синтаксического построения стихотворного текста: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1990.
- Скулачева 1992 – Т.В. Скулачева. Синтаксическая организация строк Попа и Байрона // Актуальные проблемы англистики. Архангельск, 1992.
- Скулачева 1996 – Т.В. Скулачева. Лингвистика стиха: структура стихотворной строки // Славянский стих: стиховедение, лингвистика и поэтика. М., 1996.

- Скулачева 2006 – *Т.В. Скулачева*. Взаимодействие ритма, морфологии и синтаксиса в русском и английском стихе (четырёхстопный ямб) // Стих, язык, поэзия. Памяти М.Л. Гаспарова. М., 2006.
- Скулачева 2007 – *Т.В. Скулачева*. Стих и проза: зачем нужна стихотворная строка? // Лингвистика и поэтика в начале третьего тысячелетия. М., 2007.
- Тынянов 1924 – *Ю.Н. Тынянов*. Проблема стихотворного языка. Л., 1924.
- Шапир 1996 – *М.И. Шапир*. Стих и проза: пространство-время поэтического текста (Основные положения) // Славянский стих: стиховедение, лингвистика и поэтика. М., 1996.
- Шапир 2000 – *М.И. Шапир*. *Universum versus: язык – стих – смысл в русской поэзии XVIII–XX веков*. Кн. 1. М., 2000.
- Шапир 2003 – *М.И. Шапир*. Три реформы русского стихотворного синтаксиса // ВЯ. 2003. № 3.
- Ширяев 1982 – *Е.Н. Ширяев*. Бессоюзное сложное предложение: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1982.
- Ширяев 1985 – *Е.Н. Ширяев*. Бессоюзные сложные предложения в стихотворной поэтической речи // Восточные славяне: языки, история, культура. М., 1985.
- Ширяев 1986 – *Е.Н. Ширяев*. Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке. М., 1986.
- Ярхо 1969 – *Б.И. Ярхо*. Методология точного литературоведения // Труды по знаковым системам. Вып. 4. Тарту, 1969.
- Ярхо 2006 – *Б.И. Ярхо*. Методология точного литературоведения / Под ред. М.И. Шапира. М., 2006.
- Tarlinskaja 1984 – *M. Tarlinskaja*. Rhythm – Morphology-Syntax – Rhythm // Style. 1984. V. 18. № 1.
- Wagner, Pinchon 1982 – *R. Wagner, J. Pinchon*. Grammaire du français classique et moderne. Paris, 1982.